

непереболевшая

рассказы

ЕВГЕНИЙ КИМ

18+

Евгений Ким

Непереболевшая. Рассказы

<https://litres.ru/74506453>

SelfPub; 2026

Аннотация

В «Открытке» женщина, потерявшая мужа почти год назад, получает от него послание, отправленное уже после его смерти.

В «Непереболевшей» женщина, оказавшаяся среди тех, кому не повезло переболеть вампирской болезнью, решает заразиться любой ценой — и для этого ей приходится пойти на весьма необычное свидание.

В «Зерне из космоса» учёные находят в космосе семя неизвестного происхождения и решают выяснить, что из него вырастет.

В «Дублёре» богатый и успешный человек поручает своему биороботу-двойнику пожить за него, пока он сам отправляется в путешествие, но однажды двойник решает, что больше не хочет быть заменой.

А в «Сквозняке» молодой мужчина приходит попроситься с девушкой, которую любит, перед её отъездом в Америку — и пытается сказать ей то, на что так и не решился за все годы их дружбы.

Пять историй о любви, одиночестве, страхе, человеческой природе и странных вещах, которые иногда происходят именно тогда, когда мы меньше всего их ждём.

Евгений Ким

Непереболевшая. Рассказы

Евгений Ким

Открытка

Рассказ «Открытка» занял второе место в Международном литературном конкурсе памяти Константина Паустовского 2017 года в номинации «Золотая роза Константина Паустовского».

Телефон разрывался. Зоя до сих пор пользовалась дисковым телефоном «Тесла», который дребезжал, подпрыгивал и так и норовил свалиться с тумбы. Родители, друзья, дети – все, говорили ей, чтобы она купила новый аппарат, но она лишь устало качала головой в ответ. Нет, она ни за что не поменяет этот телефон. Она будет пользоваться им до тех пор, пока он не сломается. А когда он сломается, она отнесет его в мастерскую «Ремонт 24/7» через дорогу, заплатит, сколько попросят и снова будет им пользоваться. Потому что он напоминает ей о Станиславе. Потому что это Станислав отыскал его в горе рухляди на блошином рынке в Нью-Йорке и убедил ее в необходимости такого раритета, который стоил всего ничего, каких-то десять долларов.

– Может кто-нибудь возьмет трубку?! – крикнула она и перевернула шипящую и истекающую соком котлетку.

Ни ответа, ни привета. Дети в своем репертуаре. Федя,

наверное, снова сражается с компьютерными монстрами, от вида которых ее передергивало (она все хотела решить вопрос с игровой зависимостью сына, но у нее никак не доходили до этого руки), а Света торчала на балконе и трепалась по сотовому со своим очередным дружком (которым по счету?), не замечая ничего, что происходит вокруг. До Зои долетало лишь ее курлыканье и совсем кошачье мурчание.

Зоя убавила огонь на плите и заспешила в коридор, на зов нежелającego умолкнуть телефона. Так может звонить только мужчина. Или настырная женщина.

– Алло! – сказала она еще до того, как черная пластмассовая трубка проделала свой путь от аппарата к ее белому, аккуратному уху.

На другом конце провода послышался хриловатый женский голос.

– Зоя Пална? Добрый вечер.

– Добрый... Кто это? – Зоя почувствовала, как похолодело внизу живота и перехватило дыхание. После смерти Станислава незнакомые голоса в трубке отдавались болью в груди, беспощадно напоминая о том, что произошло одиннадцать месяцев назад.

– Это Татьяна Борисовна. Мы квартиру у вас купили.

Зоя закрыла глаза и медленно вдохнула.

– А-а, как же, помню. Здравствуйте, – ей казалось, что она говорит на пределе слышимости и женщина, наверно, сейчас отчаянно вдавликает трубку телефона в свое правое

или левое – какое там у нее лучше слышит? – ухо.

– Зоя Пална, извините, что я вас беспокою, но, уезжая, вы просили звонить, если на этот адрес будет приходить что-то на ваше имя.

– Да, просила. Что-то пришло?

– Открытка пришла. На ваше имя. Я уж не стала читать, что там с обратной стороны написано, увидела, что Зое Анисимовой, и не стала дальше читать. Сначала и не поняла, что такое, думаю, ошиблись, может, а потом до меня дошло, что это ж вы, Зоя Анисимова. Ну, отыскала ваш телефон в записной книжке, вот звоню.

«Врешь, – подумала Зоя, – конечно, ты уже прочитала, что там с обратной стороны написано».

Она переложила трубку к другому уху:

– Татьяна Борисовна, а вы прочтите от кого она.

– Секунду, – в трубке затрещало. – Так-так... Подпись: «Стэн»... Если глаза меня не подводят.

Зоя побелела, стиснула трубку и оперлась рукой о стену, чтобы не свалиться бледным трупом тут же в коридоре.

– Стэн? – переспросила она, хотя, скорее едва обозначила губами, словно выдохнула.

– Стэн. Точно Стэн. Так что, заберете?

Да, она заберет открытку. Прямо сейчас. Нет, до утра не подождет. Она знает, что уже поздно. Ждите.

Она бросила трубку, сделала несколько шагов по направлению к своей комнате, выругалась, если считать слово

«блин» ругательством, развернулась на сто восемьдесят градусов и заспешила в кухню, в которой уже стоял чад и пахло гарью. Готовила котлетки, получились угольки. Чудо, а не мать. Дети, сегодня у вас на ужин уголь. Что ж, пицца на заказ – чем не ужин?

Она побежала обратно в спальню, наскоро надела на себя первое, что ей попало под руку, оставила деньги на журнальном столике, сказала Свете, что скоро вернется, и чтобы она заказала пиццу (засранка, даже не поинтересовалась, куда мать в такое время собралась), выскочила из подъезда и прыгнула за руль автомобиля. Двигатель «Форда», потревоженный поворотом ключа зажигания в неурочный час (стрелка на часах близилась к восьми вечера), удивленно и даже несколько недовольно заурчал. Зоя не дала ему возможности очухаться от сна, плавно вырулила с парковки, выехала на дорогу и поехала в сторону своей квартиры. Бывшей квартиры. После смерти Станислава ее пришлось продать: одна с детьми она бы ее не потянула. Все-таки, чтобы платить за сто сорок квадратов, нужен либо хорошо зарабатывающий муж, либо хорошая зарплата. Ни того, ни другого у нее не было (уже), а потому она вместе с детьми переехала в куда более скромную трешечку на Юго-запад Москвы.

Пробок не было, так что минут за тридцать-сорок она доедет до места. Ее пальцы нервно выстукивали барабанную дробь по рулевому колесу, а правая нога так и норовила вдавить педаль газа в пол. Зоя не поддавалась этому желанию.

Она никогда не понимала водителей, которые гонят сломя голову и постоянно перестраиваются из ряда в ряд, чтобы выиграть каких-то несколько секунд. Конечно, она торопилась, но не настолько, чтобы рисковать теми миллионами (или миллиардами?) секунд, которые еще оставались у нее впереди.

Обычно, садясь в машину, даже если ехать надо было всего-то пару кварталов до супермаркета, она включала музыку. Без музыки – ни-ни. Радио она не слушала принципиально: театрально радостные голоса ведущих не вызывали ничего, кроме раздражения. Из радио только «Эхо». Все. Слушала же она диски, которыми у нее был завален весь бардачок: Боб Дилан, Эрик Клэптон, Уитни Хьюстон, Мумий Троль, Земфира, Пелагея и, конечно же, Битлз. Куда без них, без жучков-то? Музыка помогала ей вернуться к жизни. Первые месяцы после смерти Станислава, она ставила одни лишь грустные песни. Благо, что у ее любимых групп таких песен было навалом. Грустная музыка лечит, когда тебе грустно. Это как в математике – минус на минус дает плюс. От веселых же мелодий и заводных мотивов ее тошнило, да и потом, это казалось ей каким-то кощунством. Таким же кощунством было бы спеть вместо «Вечной памяти» «Мы танцуем буги-вуги» на отпевании. Она даже записала себе сборник одних только грустных песен, чтобы не тыкать бесконечно кнопки магнитолы в поисках нужной композиции.

А несколько месяцев назад она ехала куда-то на машине,

ни о чем не думала и лишь тихонько подпевала: «Тихо, не слышно ни часов, ни чаек, послушно сердце выключаем...». В городе стояла отвратительная, какая-то нездешняя, африканская жара, занесенная в Москву непонятно каким ветром. Асфальт теплой жвачкой лип к обуви. В машине было как в парилке. Охлаждение полетело к чертям, и она ехала со спущенным стеклом, чтобы встречный ветер хоть немного обдувал тело. На одном из перекрестков рядом с ней остановился джип, из которого на полную катушку гремела музыка. Она моментально узнала игравшую песню – это был прошлогодний хит то ли американской, то ли британской, группы. Слов она не разбирала, только какие-то обрывки: «Hey что-то там sister... hey что-то там mister» ... Незаметно для себя она начала отбивать ногой ритм песни, мурлыча под нос эту незамысловатую, но чертовски заводную мелодию. А когда загорелся зеленый, и джип, взревев шестицилиндровым двигателем, рванул с места и ушел далеко вперед, и Зоя осталась один на один с Земфирой, она вдруг поняла, что лечение грустной музыкой кончилось и наступило время веселой. Все по-прежнему было, как в математике, только теперь она стала «плюсом». По крайней мере, была недалеко от этого... Оборвав свою любимую татаро-башкирочку на полуслове, она вставила в магнитолау диск с лучшими песнями Битлов, вывернула рукоятку громкости до упора и во весь голос запела: «Hey Jude на-най-на-най» ...

Но в этот вечер музыка ей была не нужна. Она ехала в пол-

ной тишине. Лишь тихонько урчал двигатель да сердце отбивало бешеный ритм, отдававшийся гулким стуком в висках. Мысли крутились вокруг открытки. Если эта, как там ее... Татьяна Борисовна, не издевается над ней, то на тот адрес и правда пришла открытка от Станислава. А вместе с тем уже почти год прошел. Сейчас сентябрь, а он умер в октябре... Ничего не понятно. Неужели открытка могла идти так долго? Может, это чья-то глупая шутка? В это трудно поверить. Боже, доехать бы скорее...

Окончательно стемнело. Город за окном автомобиля окрасился в бурые тона, сырая от дневного дождя дорога блестела в свете фар, горели огни неоновых вывесок и подсветок рекламных щитов. Наконец, вдалеке появились знакомые очертания зданий. Через десять минут Зоя припарковала (не без труда) машину во дворе и быстрой походкой направилась к подъезду. Прямо перед ней зашла какая-то женщина, и Зоя прошмыгнула за ней внутрь, получив свою порцию ядовито-подозрительного взгляда.

Поднявшись на двенадцатый этаж, она в два шага покрыла путь от лифта до двери своей бывшей квартиры и вдавила кнопку звонка. Звонила она беспощадно, от всей души, не убирая пальца с темно-черной пипки. Через несколько секунд с той стороны забряцали ключи, защелкали замочные механизмы, и дверь приглашающе открылась. Зоя ступила внутрь и тут же, с порога, спросила:

– Где открытка?

Получилось совсем невежливо, она сама это поняла и, чтобы как-то сгладить неловкость, добавила:

– Здрасьте...

Татьяна Борисовна махнула рукой, как Акопян Амаяк Артюнович, извлекла из кармана домашней толстовки (вполне себе такой брендовой) прямоугольную карточку и протянула ее Зое.

– Держите. Видно, вам очень дорог человек, от которого она пришла.

«Вы даже не представляете», – подумала Зоя, но не сказала ни слова.

Она с каким-то благоговением взяла открытку и тут же, как только увидела, что изображено на лицевой стороне, почувствовала, что ее сердце замерло. Всего на какую-то ничтожную долю секунды прекратило свой стук, и она поняла, что сейчас грохнется в обморок, причем как-нибудь совсем неприлично, с грохотом, как какая-нибудь припадочная. В тот момент, когда коленки ее предательски подогнулись и она начала сползать вниз по стенке, у нее под попой чудесным образом появился невысокий табурет.

Татьяна Борисовна заклохоталась, закудахтала, засуетилась... «Зоя Пална, вы что? Вы что? Вам плохо? Щас я вам водички принесу»... Она брызгала ей в лицо водой, растирала виски, терла до боли мизинцы, и – хотя в этом Зоя не была до конца уверена – хлестала по щекам. Через минуту Зоя слабой рукой отстранила от себя эту наседку, жадно осу-

шила по мановению руки появившийся стакан воды, отказалась от предложенного кофе и на негнущихся ногах вышла из квартиры под татьянборисовские причитания и уговоры «переждать пока приступ пройдет». Приступ прошел, Татьяна Борисовна, все уже нормально. Конечно, я могу идти. Да, я за рулем... Спасибо вам большое... Конечно-конечно... Я рада, что вам нравится в нашей...в вашей квартире... Да, всего доброго... Еще раз спасибо!

Зайдя в лифт, она ткнула кнопку первого этажа и прислонилась спиной к стенке. Приступ прошел, но ее била мелкая дрожь. Почтовая карточка лежала в правом кармане ветровки и жгла руку, которую она держала в том же кармане... Не сейчас, в машине. Потерпи чуть-чуть...

Зоя села в машину, включила свет в салоне и достала открытку. Пальмы, океан на заднем плане, яркое солнце, надпись *Guyane Française*... Гвиана Французская... Все точно. Место его последней командировки. Вообще, последнее место, где он был. Жив. Аккуратно, словно перелистывая какую-нибудь раритетную книгу, она перевернула открытку. Она сразу узнала почерк. Ей нравились этот наклон и форма букв, и она всегда говорила Станиславу, что человек с таким почерком не может совершить никакой гадости. А он смеялся в ответ... Всего несколько строк, написанных черной ручкой... Она жадно прочитала сообщение, потом еще раз, и еще, и снова и так до тех пор, пока слезы не задушили ее. Она уронила голову на рулевое колесо, стукнув лбом кноп-

ку звукового сигнала. Проходившая мимо женщина вздрогнула, чуть не выронив сумку с продуктами и, тихо выругавшись, пошла дальше, то и дело оборачиваясь и что-то бормоча.

«Зоенька! Мальши! Ты не поверишь, но я впервые в жизни обгорел на солнце. Здесь потрясающе красивые закаты и тихие ночи. Жаль, в Москве не так. Думаю, я прилечу домой на-а-а-много раньше, чем эта открытка, но все равно, я исполняю свое обещание: из каждой страны – по открытке! Скоро увидимся. Целую. Стэн.»

Они так и не увиделись. Тела обгорели так сильно, что было практически невозможно установить личности погибших. Их привезли в Москву. Станислава она узнала по часам, которые сама выбирала ему... Версий было, как обычно, несколько: от неисправности техники до ошибки пилотов. Первые недели после трагедии Зоя, как обезумевшая звонила в МИД, спрашивала, когда закончится расследование, скандалила, исходила слюной... А потом, когда из МИДа наконец-то позвонили сами и сказали, что причиной аварии стал износ какой-то там детальки, финтифлюшки, название которой ей ни о чем не говорило, она поблагодарила звонившего, положила трубку, отправила детей к бабушке, и впервые в жизни напилась. В одиночестве...

Зоя подняла голову с руля, и вытерла слезы. Мельком глянула в зеркало заднего вида – тушь совсем размазалась. Достала из бардачка влажные салфетки, вытерла глаза, не до-

чиста, конечно, но уж как получилось. Затем снова взяла открытку. Почему так долго? Почему ты шла так долго, черт побери?!

Она поднесла карточку поближе к лицу – читать с заплаканными глазами совсем нелегко – и пробежалась глазами по строчкам с адресом. Так, Russia, индекс, Moscow, так, улица, дом... стоп. Индекс и дом. Вот оно. В индексе последние цифры смазаны (чертовы гелевые ручки). Должна быть пятерка и тройка, а непонятно что. То ли шестерка, то ли, вообще, непонятно что... И в номере дома то же самое... Да, и вообще, если приглядеться, весь адрес чуть подсмазан. (Она представила Станислава. Как старательно он пишет текст открытки, выводит адрес. Как облизывает и наклеивает марку. Ему жарко. Руки вспотели. Он даже не замечает, как рукой случайно смазывает уже написанный адрес).

Да уж. Долго ты провалялась, сначала на сортировке, потом на главпочтамте или еще где-нибудь... Может даже завалялась куда-нибудь. Тебя, наверное, уже хотели выбросить или обратно отправить, но пожалели. Меня пожалели. Сами того не зная...

Она поднесла открытку к лицу и осторожно, не касаясь носом, понюхала. Ничем не пахнет. Жаль. Хотя зачем, чтобы она пахла по-настоящему? Можно ведь закрыть глаза и представить, что она чем-нибудь да пахнет. Скажем, Станиславом. Скажем, туалетной водой, ее любимой (с цитрусовой ноткой). А молекулы? Молекулы его кожи, они же должны

были остаться, разве нет? Как странно. Он умер. Но все еще шлет ей открытки. Открытка с того света. Она усмехнулась. Прям поэзия какая-то... Ее взгляд упал на приборную панель. Господи! Время десятый час, а дети дома одни.

Зоя быстренько еще раз прошла по лицу влажной салфеткой, пристегнулась, бережно положила открытку на соседнее сиденье, и плавно нажала на педаль газа. Скорее домой!

До дома она добралась в начале одиннадцатого – из-за ДТП на Кутузовском проспекте образовалась пробка. Она припарковала машину (ее место кто-то уже занял и ей пришлось нарезать круги в поисках подходящего места), выключила двигатель, взяла открытку и пошла домой.

В квартире было тихо. Подозрительно тихо. Она торопливо скинула обувь, повесила ветровку на крючок в прихожей и прошла в зал. Света сидела на диване с ноутбуком на коленях. Дочка повернула заспанное лицо на звук ее шагов.

– Привет! Чего так долго, мы уже всю пиццу..., – она умолкла на полуслове. – А чего с тобой?

Зоя показала ей открытку. Вместе поплакали. Света любила отца больше, чем мать. Зоя знала и ревновала. Но не сейчас. Плакать было как-то легко и даже радостно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.